

Д.Г. Кикнадзе

К ВОПРОСУ ПРОБЛЕМАТИКИ ЖАНРА СЭЦУВА НА ПРИМЕРЕ «УДЗИ СЮИ МОНОГАТАРИ»

В IX в. японское общество познакомилось с новым литературным жанром сэцува. Истоки сэцува восходят к индийским *джатакам* и китайским коротким рассказам *сяошо*. Чтобы лучше понять суть сэцува стоит поближе рассмотреть трактовку джатака и сяошо.

Джатака, в переводе с санскрита — о прежних рождениях (Будды), прозаический жанр в древнеиндийской литературе. По своему содержанию делится на две большие части: басни и сказки о животных с элементами социальной и антибрахманской сатиры и волшебные сказки, бытовые и авантурные повести [1].

Сяошо — повествовательная проза малых форм, объединенная в ряд сборников. Е.А. Торчинов дает исчерпывающую формулировку этого жанра: «В основе этих сборников — короткий рассказ о таинственном и необычайном, занимательном и комическом, почерпнутый или из исторических сочинений, или из фольклорных источников, восходящих к легенде, сказу, преданию, анекдоту» [2].

На протяжении своей истории сяошо претерпел некоторую идейную трансформацию. В период III–IV вв. целью короткого рассказа было запечатлеть тот или иной забавный случай, лишенный всякого назидательного тона.

В поздний же период своего существования — IV–V вв. эта проза носит уже сугубо буддийский, назидательный характер. Составителями выступали просвещенные буддийские монахи, а слушателями — буддийская паства, большей частью простолюдины. Составители рассказов опирались на буддийские легенды, засвидетельствованные случаи о чудесах, некоторые собственные впечатления или ощущения, которые впоследствии рассказывались на проповедях.

Теперь рассмотрим, в каком же виде появился аналогичный жанр в Японии и каковыми были его цели. Для того чтобы раскрыть смысл самого обозначения жанра *сэцува*, рассмотрим его иероглифическое написание и значение каждого иероглифа в отдельности.

説 сэцу/току — 1. мнение, взгляд, версия; 2. теория; 3. толки, слухи.

1. объяснять; 2. уговаривать; 3. проповедовать

話 ва/ханасу — 1. разговор; 2. рассказ. 1. разговаривать; 2. рассказывать [3].

Взяв за основу последнее значение каждого иероглифа, мы получим следующее определение: 1) проповеднические рассказы, 2) рассказы о слухах/кривотолках/сплетнях. Слово *проповеднический* можно заметить на синонимичные — поучительный, назидательный, нравоучительный, дидактический, воспитательный, наставительный и т.п. [4]. Таким образом, сам термин *сэцува* таит в себе двойную смысловую нагрузку — это и проповеднические рассказы, и своего рода былички, сплетни.

Благодаря особенностям прочтения японских иероглифов, т.е. наличия онного/китайского и кунного/японского чтений под одним словом подразумеваются сразу два направления жанра *сэцува*. Учитывая первое значение слова *сэцува*, становится понятным предназначение данного литературного жанра. Видна перекличка с китайским *сяошо* IV–V вв.

В современной отечественной японистике проза *сэцува* обозначается как ранняя и поздняя, буддийская и небуддийская. Однако этого недостаточно. Классификация по такому типу не способна в достаточной мере отразить идейную сторону памятников. При упоминании слова *сэцува* обычно всплывает его первое значение — буддийский проповеднический рассказ, но никак не второе значение этого жанра. Отсюда, т.е. с неправильной, неполноценной трактовки, начинаются проблемы, когда читатель знакомится с произведением *сэцува* несколько иного содержания. Для лучшего понимания проблематики жанра рассмотрим основные памятники *сэцува*, которых в период Хэйан и Камакура существовало около шестисот. Обычно многие рассказы или сюжеты кочевали из одного произведения сэцува в другое.

«Нихон рёйки»

«Нихон рёйки» или «Записи о японских чудесах» были созданы на рубеже VIII–IX вв. монахом Кёкаем. Это первое буддийское сэцува. Памятник написан по-китайски в стиле хэнтай камбун, состоит из трех книг, делится на рубрики, например: исполненные молитвы, неотвратимое возмездие, чудесные статуи и сутры и т.п. Цель памятника очевидна — на примерах из жизни монахов, отшельников и простолюдинов автор рисует основную буддийскую идею о карме и воздаянии. Форма памятника напоминает скорее сказку, легенду.

«Самбо экотоба»

«Иллюстрированное слово о Трех сокровищах» было создано в 984 г. аристократом Минамото-но Тамэнори. Произведение буддийского содержания, записано по-китайски, состоит из трех книг, одна из них целиком посвящена лишь японским буддийским священнослужителям.

«Кондзяку моногатари»

«Стародавние повести» были составлены около 1120 г. Это 31 свиток, который делится на три части: индийскую, китайскую и японскую. Японская часть, в свою очередь, делится на буддийскую, конфуцианскую и мирскую. Рассказы связаны между собой по хронологии, сюжету и персонажам.

«Кондзяку моногатари» по праву считается наиболее выдающимся сэцува в истории этого жанра. Именно в нем впервые наряду со сказочными элементами появляется мирская тематика, а идейная сторона памятника постепенно высвобождается от ярко выраженного религиозного дидактизма, максимально приблизившись к жизни паствы. Иными словами, с «Кондзяку» и начинается эпоха качественно иного типа сэцува.

С чем же связана постепенная утеря буддийского дидактизма?

Изначально причиной появления и внедрения нового иноземного жанра послужило активное распространение буддизма в Японии. VIII в. был временем оттеснения коренной веры синтоизма и утверждения нового чужеземного буддизма, а в этом был заинтересован правящий клан Фудзивара. В буддизме главным героем был Человек и его мир, а не община, род, как в синтоизме. Эту идею надо было внедрить, доказать. Безусловно, религия без письменных материалов не имела силы, не сумела бы быстро распространиться среди населения. Одни буддийские сутры, порой малопонятные самим священнослужителям и аристократам, не справились бы с поставленной задачей. Была необходима литература, доступная для простого населения. Индийские джатаки и китайские сяшо, превратившись в Японии в жанр сэцува, сумели восполнить этот пробел.

Как мы видим, с XII в., т.е. с конца эпохи Хэйан в литературе сэцува начинается процесс секуляризации — высвобождения от религиозных мотивов, утраты назидательного тона.

Подобное явление напрямую связано с реформацией хэйанского буддизма. Появление новых школ буддизма — дзёдо, дзен, нитирен и амидаизма — не могло не отразиться на художественной литературе

вообще, не говоря уже о сэцува, которая отвечала религиозным потребностям.

В X–XI вв. с утверждением новой эзотерической школы нэмбуцу — возглашений имени Будды Амида — населению страны был предложен наикратчайший путь к спасению. Нужно было лишь многократно повторять про себя молитву: «наму Амида буцу». А раз так, то отпадала потребность в усиленной пропаганде буддизма посредством художественной литературы. Образ Будды и бодхисатгв, необычайно яркий в ранних сэцува, несколько сместился и потускнел в более поздних сборниках. Можно сказать, что к концу хэйанской эпохи буддизм, главным образом из-за облегченной его формы — амидаизма, наконец-то активно распространился и среди простого населения.

Теперь обратимся к произведениям в основном эпохи Камакура, в которых явно ощущается ослабление буддийской идеологии. Тем не менее описанные в них события относятся к хэйанскому периоду в знак ностальгии по безвозвратно ушедшей прекрасной эпохе.

«Кодзидан»

«Беседы о делах древности», относится к XIII в. (1212–1215). Составитель — чиновник Минамото-но Акикане, впоследствии принявший монашеский постриг. Памятник записан камбуном, состоит из шести разделов: 1. Об императорах. 2. О придворных. 3. О священниках. 4. О героях. 5. О синтоистских и буддийских храмах. 6. О жилых домах и искусствах.

«Коконтёмондзю»

«Собрание старого и нового, известного и услышанного» (1254), составлен придворным чиновником Татибана Норисуэ. Состоит из 20 свитков, порядок расположения хронологический. Содержит истории из жизни придворных аристократов. Считается последним сэцува в традиционном аристократическом стиле.

«Удзи сю:и моногатари»

«Рассказы, собранные в Удзи» (первая половина XIII в.) написаны неизвестным аристократом, впоследствии ставшим монахом, на классическом японском. Рассказы всех 15 свитков (197 историй) расположены в хаотичном, на первый взгляд, порядке, не связаны друг с другом хронологически, по смыслу, принципу появлению героев и т.п.

Большая часть историй заимствована из таких значительных сэцува, как «Кондзюку» (74), «Кодзидан» (21), «Кохонсэцувасю» (21). Общее

количество заимствованных историй составляет 114 рассказов. Тем не менее есть оригинальные рассказы, таковых 34, хотя, учитывая факт утери большей части памятников сэцува, можно и усомниться в их оригинальном происхождении.

Привыкнув к систематизированным по разным критериям памятникам сэцува, при чтении «Удзи» можно прийти в некое замешательство: неясен принцип подбора и строения материала. Все это представляется необдуманном, хаотичным, случайным. Ведь рассказ о проделках нечисти может соседствовать с историей о бодхисаттве Канон, или же история бедняка-бедолаги — со сплетней о некоей придворной даме. Тем не менее при анализе трех переведенных свитков (42 рассказа) наметилась едва уловимый принцип, которому следовал составитель.

Выстроить истории «Удзи» по какому-либо четкому принципу не представляется возможным, но прослеживаются два типа отбора материала: по происхождению главных героев и идейному принципу. Возьмем за основу свиток 2, первые четыре рассказа. Составитель пользуется методом сопоставления героев: если первый рассказ касается отшельника-буддиста, обладающего каким-либо даром, то следующий — синтоистского зооморфного божества дракона, также обладающего положительной волшебной силой. Однако последующая история повествует уже о его отрицательной, разрушительной силе. После рассказа о проходе-простолюдине чаще всего следует история о знатном человеке. Умело перемежая разные истории в «Удзи сюи», автор пожелал показать все слои общества, т.е. охватывает уже более широкий диапазон.

Теперь рассмотрим эти же истории в призме идейного отбора.

1. Тяжкий грех матери замаливался сыном-отшельником возле ее гроба в течение пяти лет. По истечении этого времени мать явилась сыну во сне с вестью о том, что молитвами сына переродилась в мужчину и теперь сможет попасть в рай. Сам же отшельник давал возможность наедаться голодным духам, которые были обречены на вечные мучения в аду.

Идея: грех — искупление молитвой — чудо.

2. Чудо явления дождя в засуху божеством дракона в ответ на буддийский ритуал.

Идея: несчастье (природный катаклизм) — спасительный ритуал (знак веры) — явление чуда.

3. В горном монастыре болели и умирали монахи. Виной тому была скалистая пещера в виде разинутой пасти дракона. После свершения ритуала скала раскололась, а монахи перестали болеть и умирать.

Идея: чудо молитвы.

4. Сусальщик, несмотря на запрет, украл на святой горе Кимбусен слитки золота. Переплавив золото в листы, он попытался продать их, но на листах обозначилась надпись: гора Кимбусен. Покупатель, смекнув в чем дело, помог схватить воришку. Городская стража жестоко избивала вора до смерти.

Идея: грехопадение — возмездие.

5. Сосед воспринял смерть своего близкого соседа близко к сердцу — ведь тот сделал ему много добра, которое невозможно было забыть. Но вот беда — ворота дома покойника выходили в неблагоприятную сторону, а ведь вынос покойника в неправильную сторону, согласно учению Инь-Ян, означал бы множество бед для семьи. Тогда сердобольный человек выломал ограду своего дома, чтобы вынести покойника в благоприятном направлении. На упреки домашних мужчина отвечал, что следует помнить о сделанном некогда добре и не забывать платить тем же даже после смерти.

Идея: добро в ответ на добро — пренебрежение своим имуществом ради ближнего — забота о семье соседа ради спокойствия души покойного.

«Удзи» отвечает по всем требованиям жанра одновременно — здесь и рассказы с тонким буддийским подтекстом, и забавные случаи из жизни аристократов.

Но для какой аудитории предназначалось произведение? Ведь в «Удзи» нет четкого проповеднического мотива, да и времена были не те. В начале эпохи Камакура буддизм был по-прежнему амидаистского толка — упрощенный, доступный каждому. Необходимости в ярко выраженной буддийской пропагандистской литературе не было. Нужно было лишь поддерживать у народа религиозный настрой.

Истории «Удзи» можно рассматривать как странные, страшные, чудесные, волшебные, забавные, ужасающие. В рассказе на первый план выходит прежде всего незамысловатая фабула, герои и их поступки. В этом случае мы воспринимаем эцува скорее как былички или «рассказы-сплетни».

Тем не менее, как мы это показали выше, на те же самые рассказы можно взглянуть иначе, так сказать, «духовными глазами» и разглядеть даже в самой незначительной истории огромный смысл, философский буддийский подтекст.

Не означает ли это мастерство подбора автором материала так, чтобы один рассказ имел две грани, являлся душеполезным как для высшего, так и для низшего слоев населения?

Возможно, это и объясняет причину «хаотичного» выстраивания рассказов. Думается, сделано это было с тем тонким умыслом, чтоб слушатель или читатель не утомлялся слушанием рассказов под одной темой, как это было во всех предыдущих до «Удзи» сборниках *сэцува*. Помимо всего, составитель демонстрировал сюжетное многообразие, умело противопоставляя не только самих героев, но и философию содержания.

Получается, что ранние *сэцува*, по праву называемые в японоведении буддийскими, были ярко выраженными религиозно-дидактическими для того, чтобы обратить в веру народ, все еще крепко привязанный к своим синтоистским корням. Выполнив свою миссию, произведения *сэцува*, наряду с трансформацией буддизма, большей частью освободились от буддийского влияния, смягчили и сместили акценты.

Исходя из вышесказанного мы видим большие разногласия внутри самого жанра. Называть одним термином всю литературу *сэцува* кажется ошибочным. Делить произведения на ранние и поздние также бесполезно, поскольку в их основе лежит лишь хронологический принцип. Под ранними *сэцува* мы совершенно правильно подразумеваем буддийские, но при упоминании поздних у нас также возникают те же ассоциации, разве что составлены они были в более позднюю эпоху. Называть их только буддийскими или небуддийскими также бессмысленно. Ведь нельзя сказать, что в позднехэйанскую или камакурскую эпоху *сэцува* буддийской ориентации исчезли вообще. Дело в том, что в поздних *сэцува* религиозный дидактизм стал гораздо слабее, чем в ранних, однако нам известно произведение «Дзиккинсё» («Извлечения по десяти наставлениям»), созданное в 1252 г. (эпоха Камакура). Этот памятник прозы *сэцува* насквозь пронизан буддийско-конфуцианской моралью.

Возникает необходимость внести коррективы в отношении *сэцува* времен конца эпохи Хэйан и всей эпохи Камакура. Учитывая окончательное укоренение буддизма среди простого японского населения, можно обозначить *сэцува* позднего периода как *сэцува* с ослабленным дидактизмом.

Все же данный литературный жанр ввиду своей многогранности таит много загадок, а каждое произведение требует индивидуального подхода и тщательного изучения.

***

1. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 96.

2. Религии Китая: Хрестоматия / Ред.-сост. Е.А. Торчинов. СПб.: Евразия, 2001. С. 405.
3. Японско-русский учебный словарь иероглифов / Сост. Н.И. Фельдман-Конрад. М.: Русский язык, 1987. С. 546, 549.
4. Словарь синонимов. Л.: Наука, 1975. С. 409.